

УДК 81'23

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УСЛОВИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭВФЕМИИ

Логвина С. А.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: svet.logvina@mail.ru*

При рассмотрении вопросов порождения и функционирования феномена эвфемии в сложном конгломерате взаимодействий психологического, социального и лингвистического аспектов до недавних пор редуцировалась (почти не освещалась) значимость психолингвистического (через призму эволюционной биологии) аспекта. Революционное открытие систем зеркальных нейронов позволило сместить исследовательскую перспективу соотношения «эвфемизм – социум» на отношение «эвфемизм – биология» и в рамках психобиологического поворота определить новый статус явления эвфемии. Система зеркальных нейронов является биологическим триггером, автоматически запускающим интенциональный механизм эвфемии, который позволяет спрогнозировать цепочку последующих действий (не только внешние стимулы, вызванные действиями других, но и собственные реакции действия) за счет многоходового планирования и выбрать удачный, с точки зрения Говорящего, языковой алгоритм. Данная статья рассматривает традиционные и новые, существенно изменившиеся, обстоятельства генезиса и эволюции эвфемии, с которыми невозможно не считаться при дальнейших исследованиях данного феномена. Автор полагает, что исследование эвфемии через призму зеркальных систем откроет перспективу понимания флуктуации смыслов и значений в досемиотическом «семантическом вакууме», а также семиотического осмысления эвфемии путем синкретического соединения индивидуального и коллективного, когнитивного и бессознательного, исторически заданного и эпистемологически предвиденного. Эвфемизм оказывается не только элементом социальной детерминации, но и прогностическим феноменом – результатом «предвидения», без которого невозможны ни эффективная социальная адаптация и интеграция, в том числе и в стремительно меняющихся социальных условиях, ни развитие социально-этических процессов, которые обеспечивают эволюцию культуры.

Ключевые слова: эвфемия, система зеркальных нейронов, карта сознания Другого, эвфемистическая номинация, социальное взаимодействие.

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве научных работ по исследованию феномена эвфемии, делая акцент на антропоцентричности этого явления, авторы преимущественно выделяют социальные факторы как основополагающие и обеспечивающие коммуникацию, а, следовательно, и инициирующие появление эвфемизма [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14 и др.]. Однако открытие нейробиолога Риццоллатти позволяет говорить о биологической природе «социального» в человеке и подтверждает предположение о том, что такое явление, как эвфемия, обусловлено, в первую очередь, биологическими факторами (свойствами психики индивида), связанными с работой мозга, а лишь затем детерминируется социальными факторами, такими как, например, нормы поведения, принятые в обществе. До недавнего времени такие рассуждения могли носить лишь теоретический характер, поскольку их описательная база основывалась только на гипотетических предположениях, в то время как вся точная современная наука построена на количественно-статистическом методе.

Однако в 1992 году, исследуя премоторную кору головного мозга обезьян, известный итальянский нейрофизиолог Джакомо Риццолатти обнаружил «зеркальные нейроны». Это открытие М. Арбибом и Г. Риццолатти «зеркальных систем мозга» [18; 19; 22] послужило толчком для выявления зеркальной нейронной системы у людей и, по мнению мировых ученых, является одним из крупнейших открытий конца XX века. Несмотря на то, что некоторые положения гипотезы о зеркальных нейронах были восприняты весьма критично, сторонники этой теории предрекают ей большой научный потенциал. Весьма значимую роль, по нашему мнению, это открытие может сыграть при рассмотрении и детализации такого речевого феномена, как эвфемия, которая регулируется социальными рамками, но, как нам представляется, не инициируется ими.

Ученые, в рамках теории о зеркальных нейронах, определяют зависимость действия от образа действия, которое формируется у наблюдателя при прогнозировании цепи последующих действий (здесь действие рассматривается как структурная единица любой деятельности: слова, жесты, вздохи и т.д.), а именно, интенциональный горизонт действий Другого. Джакомо Риццолатти утверждает, что зеркальные нейроны реагируют только на преднамеренную активность, с предсказуемой последовательностью действий или определенной целью. Опираясь на прошлый опыт, зеркальные нейроны способны «вычислить» намерение собеседника еще до осуществления самого действия [12, с. 114–123]. Полагаем, такая «вычислительная способность» системы зеркальных нейронов, акцентирует внимание на предугадывании и распознавании чувств и намерений собеседника, что дает рациональное основание Говорящему преобразовывать (смягчать) последующие высказывания в случае выявления возможного угрожающего или нежелательного хода коммуникации. Используя вербальную эвфимию, определенным образом кодируя негативный денотат, Говорящий предупреждает нежелательный исход общения, тем самым «защищает» себя от неприятной реальности, чем повышает свои шансы на успешную адаптацию и коммуникацию.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя коммуникативные риски, индивид подвергает расшифровке и прогнозу как базовое, так и расширенное поведенческое намерение Другого, тем самым эмулирует карту Другого, используя сенсорную информацию как инструмент качественного анализа. В рамках эмуляции чужого сознания индивид формирует так называемую карту как субъективное представление об организации и функционировании субъекта (Другого). Мы используем здесь термин «эмуляция» для обозначения имитации ощущений и чувств Другого, средствами психики самого индивида. Эмуляция психического состояния Другого бенефициально дает возможность индивиду спрогнозировать ментальные состояния Другого, побуждающие его к действиям. Американский ученый Д. Сигел предполагает существование: я-карты, которая помогает индивиду анализировать свое собственное сознание, эмоции и переживания; ты-карты, которая позволяет эмулировать сознание другого индивида (без которой происходило бы лишь наблюдение за поведением Другого/Других, то есть активация физического аспекта реальности, лишенная субъективной эмоциональной подоплеки). Автор также

предполагает существование мы-карты как фиксированной проекции взаимоотношений¹ [23, с. 65].

Исходя из вышесказанного и продолжая мысль Т.В. Черниговской о том, что система зеркальных нейронов дает возможность «ментально встать на позицию другого человека (понять, что он о вас думает, и др.)» [16, с. 398], что, в свою очередь, и является «основой коммуникации и, соответственно, социума», считаем правомерным сделать предположение о том, что система зеркальных нейронов является биологическим триггером, автоматически запускающим внутренний интенциональный механизм эвфемии, направленный на селекцию, а затем и на речевую, и не только, экстерииоризацию внутренних состояний. Составляя «ментальную карту» Другого/Других, индивид может предвидеть возможность возникновения опасности или дискомфорта и принять превентивные вербальные меры, нацеленные на сохранение комфортного общения. Продолжая данный тезис, можем предположить, что эвфемия – это биологически целесообразный механизм, средство, необходимое для выживания индивида, которое в процессе биологической эволюции закрепилось на уровне подсознания, в глубинных структурах мозга, и может считаться инстинктивной способностью индивида.

Полагаем, что уникальная способность ментально «проиграть» предполагаемый коммуникативный акт в нескольких лицах (сыграть свою партию и партию партнера, посмотрев на ситуацию с позиции Другого, меняя социальные роли в зависимости от ситуации, оценивая риски) побуждает индивида к поиску удовлетворяющих *ad hoc* условий лингвистических и экстралингвистических средств овнешнения эвфемистического кода. Создание виртуальной карты Другого позволяет смоделировать интенциональный горизонт действий оппонента, спрогнозировать цепочку последующих действий за счет многоходового планирования и выбрать соответствующий, с точки зрения Говорящего, вариант – эвфемизм (удачный языковой алгоритм), который будет способствовать поддержанию комфортной коммуникации, что лежит в основе прагматического аспекта эвфемии, а также является доминантой социального общения и результатом успешной адаптации индивида. Например, собираясь на собеседование по трудоустройству на работу, индивид заранее «проигрывает» предполагаемые вопросы и ответы собеседника, что помогает ему при составлении «виртуальной карты» оппонента; впоследствии, опираясь на эту карту, индивид совершенствует свою презентацию, «эвфемизируя» недостатки своей биографии или трудовой деятельности.

Ученые-неврологи уверены, что только способность эмулировать чужое сознание делает человека социально адаптируемым, а индивиды с нарушениями функционала зеркальных систем не могут резонировать с другими, эмулировать сознание Другого, что лишает их возможности прогнозировать действия Другого/Других. Соответственно, дисфункция зеркальных систем отражается на эмоциональной отзывчивости индивида на переживания Другого, что проявляется и на лингвистическом уровне деятельности индивида, а именно, отсутствием в его лексиконе «выражений с высоким индексом образности (в основе которых лежит метафорический перенос)» [1; 2; 4], которые, в свою

¹ Создание с помощью индивидуальных психических особенностей карт субъектов (а именно акцентов, попадающих в объектив внимания), находящихся с индивидом в социальных взаимодействиях, меняет физическое строение мозга, стимулируя мозг к появлению важных новых нейронных связей. Нейронаука поддерживает идею о том, что рефлексивные навыки активируют те самые цепи, которые создают впоследствии у индивида ощущение надежности и благополучия и участвуют в формировании сочувствия и сострадания.

очередь, являются структурными элементами таких социально важных явлений, как эмпатия, вежливость, тактичность и т.д. и обеспечивают социализацию индивида. В рамках данной темы важными считаем исследования М. Якобони с аутичными детьми, которые при разглядывании и имитации лиц, выражающих эмоции, продемонстрировали гораздо меньшую активность в зеркально-нейронных областях по сравнению с типично развивающимися детьми, показав отчетливую корреляцию между уровнем этой активности и серьезностью заболевания: чем хуже состояние ребенка, тем ниже активность. Эти исследования послужили основанием для последующих выводов о том, что дисфункция зеркальных нейронов является определяющим фактором для социальных нарушений при аутизме [17, с. 168]. Продолжая это суждение, можем предположить, что индивид, который имеет повреждения систем зеркальных нейронов (генетические или вследствие травм), лишен способности к абстрактному анализу более высокого порядка [4, с. 86] (когда смысл символа не поддается однозначной интерпретации за счет нарушения видимой логики и отсылания к иной логике трансцендентного и несказанного), и, соответственно, не использует эвфемистический код языка, в основе которого лежит абстрактное мышление и образность.

Дж. Риццоллатти и К. Синигальи убеждены, что мгновенное понимание эмоций Другого является результатом «разделения эмоционального состояния другого на уровне висцеромоторных реакций» [12, с. 114–163] и происходит автоматически, не требуя осознанности или какого-либо усилия со стороны индивида. Само название «зеркальные нейронные системы» предполагает отображение (повторение) действий Другого, тем не менее, функционирование этих систем заключается именно в «предсказании» дальнейших действий Другого. Такое «предсказание» и дает возможность индивиду предвидеть дискомфорт в предстоящем коммуникативном акте и, предвосхищая реакцию Другого, подобрать приемлемое для овнешнения альтернативное высказывание (эвфемизм), которое в меньшей степени осложнит коммуникацию. Примером такого «предсказания» и последующего «уравновешивания коммуникации» (за счет эвфемистической номинации) может выступать использование врачом-кардиологом при общении с пациентами, имеющими *«сердечную недостаточность»*, не прямых медицинских терминов, которые могут спровоцировать тревогу, депрессию, панику и, как следствие, ухудшение состояния больного, а эвфемистических замен прямого термина *«heart failure»*, к которым можно отнести следующие выражения: *Hear tstrain; «Your heart is not pumping properly; <...>Your hear tis a bit weaker than it used to be; <...>Your heart is not working efficiently; <...>Your heart, which is a pump, is not working as wel las it should, causing back pressure on the lungs; <...>You have fluid on your lungs, as your heart is not pumping hard enough; <...>Your heart is not strong enough; <...>Your heart is not as strong as it used to be* [24, с. 321]». Исходя из эмоционального состояния каждого индивидуального пациента (особого внимания заслуживают пациенты, склонные к отрицательному эмоциональному отклику) и, предвосхищая возможную реакцию, Говорящий (врач) прибегает к эвфемизмам, чем стабилизирует (улучшает) эмоциональный фон восприятия своей речи собеседником (пациентом).

Стоит оговориться, однако, что в последнее время все чаще и чаще звучат критические замечания относительно использования эвфемизмов именно в сфере здравоохранения [20, с. 1074; 21, с. 373]. Считая эвфемизмы лингвистическими компонентами коммуникативного поведения врача, Национальная медицинская

академия США¹, относит их к группе лексических приемов, провоцирующих некорректную вербальную форму взаимодействия между врачом и пациентом (двусмысленность, хеджирование) [20, с. 1074], по причине заниженной эпистемологической позиции по отношению к утверждению.

Эмпирически (при помощи и электрофизиологических, и томографических исследований) доказано, что понимание окружающей среды на уровне зеркальных нейронов происходит раньше, чем опосредование этого же явления концептуальными или вербальными средствами [12, с. 114–163].

В рамках нашей работы можем предположить, что в основе эвфемии лежит хорошо обработанная на входе, в значительной степени не осознаваемая информация, которая обеспечивает создание «модели внешнего мира» и «карты Другого», на которые «опирается» Говорящий при создании и овнешнении эвфемизма. При этом важно отметить пропорциональную зависимость качества эвфемистического субститута, т.е. его прагматического эффекта, от внимательности к деталям, которая аккомпанируется субъективным опытом Говорящего. Чем внимательнее и «опытнее» Говорящий, тем больше деталей будет учтено и тем точнее будет «проигран» предполагаемый коммуникативный акт, что, в свою очередь, отразится на успешности реализации эвфемистического потенциала. Любое вербальное сообщение является предметом множества интерпретаций, которые находятся за пределами мыслительных намерений автора и сопровождаются экстралингвистическими элементами, такими как: на просодическом уровне, на кинетическом уровне; на проксемическом уровне (организация пространства).

Важно добавить, что, прогнозируя деятельность Другого, индивид может испытывать озадаченность или даже ошибаться, поскольку структура информационного сюжета меняется одновременно с авторским подходом к факту и тогда ход коммуникативного акта становится непредсказуемым, что усложняет коммуникацию и «последующую референцию в вербальной интеракции продуцента и реципиента» [1, с. 142]. Вместе с тем заметим, что значительно большую роль, чем внимание и психофизиологическая спецификация, в процессе эмуляции карты Другого играет субъективный опыт, являясь базовым компонентом любой активности индивида.

Смоделированное индивидом предполагаемое внутреннее (эмоциональное) состояние Другого (карта) имеет субъективный характер, поскольку активность системы зеркальных нейронов опирается на присущий каждому индивиду отдельный и уникальный репертуар собственных действий и переживаний. Формирование в мозге

¹ При весьма положительном теоретическом «анамнезе» эвфемии в целом, поскольку эвфемизм косвенно (имплицитно) номинирует денотат с помощью позитивных ассоциаций (определенного мыслительного образа в сознании коммуникантов), использование эвфемистических субститутов в ходе клинических встреч носит противоречивый характер, так как не всегда способствуют достижению цели, а именно, пониманию пациентом реального состояния его здоровья и прогноза болезни. Например: «Andseewhereelse, youknow, whatelsetheycoulddotryto, youknow, improveyourchances». Такая формулировка может потенциально привести пациента в замешательство, говоря о «шансах» онколог дает «надежду», оставляя неясной перспективу избавления от рака. Эвфемия как частный случай философской концепции «забота о себе» в языковом поле реализовывает гуманистические базовые установки путем холистического стремления к «защите», руководствуясь принципом «не навреди», и представляет собой альтернативную нежелательной вербальную форму. Выбор соответствующего случаю эвфемизма должен основываться на профессиональном опыте врача и клиническом состоянии пациента.

наблюдателя репрезентации действия, производимого Другим, и описание этого действия в терминах собственного моторного акта наблюдателя (моторное знание о собственных действиях по мнению Дж. Ризцоллатти, является необходимым и в то же время достаточным условием незамедлительного понимания действий Другого.

Из этого можем сделать вывод, что овнешнение эвфемистического кода индивида происходит в терминах эмоциональных переживаний и состояний самого индивида, равно как и распознавание действий и намерений Другого опирается прежде всего на собственный поведенческий репертуар, а это значит, что эвфемизмы индивид создает сам для себя, используя метод прогнозирования «как если бы» он был на месте Другого, что позволяет мгновенно уловить эмоциональное состояние и спрогнозировать цепочку дальнейших событий и реакций, которые моментально регистрируются и распознаются. Понимание действий Другого в данном контексте не предполагает какой-либо осмысленной рефлексии, особенно в отношении коммуникативных действий, но существенно зависит от «стереотипности речевого поведения» индивида» [3, с. 46] и в значительной степени определяется индивидуальным жизненным и лингвистическим опытом.

Когнитивная способность индивида обрабатывать и моментально кодировать воспринимаемые мимику и жесты Другого/Других способствует формированию ментального субстрата, как основу для эвфемистических трансформаций, которые на различных уровнях и различными путями регулируют и направляют поведение индивида, его взаимоотношение с Другим/Другими, что, в свою очередь, облегчает ориентировку в социуме. Исходя из того, что функционирование зеркальных систем запускается автоматически и в значительной степени не осознается и не контролируется индивидом, полагаем, что эвфемия как интенция, возникшая в результате обработки информационного субстрата, запускается также автоматически, а сам индивид приступает к активному сознательному участию лишь в момент вербализации. В рамках каждого коммуникативного акта индивид приписывает Другому/Другим – более или менее осознанно – убеждения, желания, ожидания, намерения и т. д., виртуально симулируя реальность, адаптируя взгляды Другого, что в значительной мере определяет социализацию индивида и всецело зависит от его способности корректно прогнозировать горизонт действий собеседника, и руководствуясь результатами этих прогнозов, создавать климат коммуникации, подстраиваясь под собеседника, продуцировать эвфемистические выражения. Важно отметить, что, приписывая Другому убеждения и взгляды и при виртуальном «проигрывании» номинируя их, индивид проецирует, прежде всего, свое отношение к обсуждаемым явлениям, поскольку номинация «формирует определенным образом наше отношение к тому, что стоит за этим обозначением» [11, с. 25], что еще раз подчеркивает субъективный характер эвфемистической номинации как особого типа семантического варьирования. Так, общаясь с пациентом через призму своих профессиональных знаний в области диагностирования сердечной недостаточности, врач «приписывает» больному страх от осознания опасностей этого диагноза (которого пациент, скорее всего, не имеет, не обладая такими углубленными и обширными знаниями), использует эвфемистическую номинацию, компрометируя при этом «открытость» и «прямолинейность» врачебного поведения ради обеспечения более высокого уровня защиты эмоционального состояния пациента.

Принимая во внимание факт, что до конца все функции зеркальных нейронных систем еще не раскрыты, основной, по мнению Дж. Ризцоллатти, функцией зеркальных

систем является «понимание значения действий других» [12, с. 115]. Такое понимание, по нашему мнению, составляет биологическую основу адаптации и взаимодействия индивида с окружающей средой, а также дает поведенческое преимущество индивиду, который планирует свои действия с опорой на представление о сознании и состоянии Другого. Способность планировать, предвидеть, выделять конечные и промежуточные цели за счет реконструкции намерений других также дает возможность индивиду манипулировать окружающими, для чего может быть использован и эвфемистический код.

ВЫВОДЫ

В дальнейших исследованиях, проводимых в области психолингвистического подхода к рассмотрению условий возникновения и функционирования феномена эвфемии, следует учитывать такую особенность организации психики индивида, как планирование действий. Полагаем, что такая деятельность может обеспечиваться системами зеркальных нейронов, которые автоматически активируют представление о не проявившемся еще в поле зрения «объекте», и сигналы представления плана реализации действия, за счет синхронизации эмоциональных переживаний индивида и Другого/Других (участника/участников эвфемистического дискурса). С этой точки зрения эвфемизацию можно представить как внутринейронный когнитивный механизм, обеспечивающий поведенческое преимущество индивида, вербальные формы которого селективны в отношении комбинаций, нравственно-этических процессов, обеспечивающих широкий круг повседневных действий индивида, а также формирующих его социальные и межличностные связи. Эвфемизм, являясь культурным знаком, отражает морально-этические ценности индивида и способствует его эффективной адаптации и социализации, что обуславливает употребление в социальной коммуникации эвфемистических «единиц разнокодовой принадлежности» (термин Зубкова О.С.). Выживание индивида зависит не только и не столько от его умственных способностей (IQ), сколько от социальной интеграции, умений сопереживать, понимать, слышать и взаимодействовать с другими – качества, которые определяются свойствами зеркальных нейронов и овнешняются лингвистическим кодом.

Список литературы

1. Зубкова, О. С. Медицинская метафора и медицинская метафора-термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) [Текст] / О. С. Зубкова // Знание. Понимание. Умение. – 2010b. – № 1. – С. 140–145.
2. Зубкова, О. С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация [Текст] / О. С. Зубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. Научно-теоретический журнал. – 2010a. – № 3. – С. 41–48.
3. Зубкова, О. С. Профессиональная метафора в медицинском дискурсе [Текст] / О. С. Зубкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. – Серия: Лингвистика и педагогика. – 2013. – № 3. – С. 44–51.

4. Зубкова, О. С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных видах дискурса)[Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. С. Зубкова. – Курск., 2006. – 22 с.
5. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу [Текст] / А. М. Кацев. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
6. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в роли эвфемизма [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1998. – № 2. – С. 71–74.
7. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – С. 262–286.
8. Крысин, Л. П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1994. – № 5. – С. 76–82.
9. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание: учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов[Текст] / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
10. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования [Текст] / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
11. Порохницкая, Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Порохницкая. – М., 2014. – 420 с.
12. Риццоллати, Д., Синигалья, К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания [Текст] / Д. Риццоллати, К. Синигалья / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 208 с.
13. Саакян, Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения [Текст]: дисс.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. Н. Саакян. – М., 2010. – 195 с.
14. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка[Текст] / Е. П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
15. Сергиенко Е. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека [Текст] / Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 415 с.
16. Черниговская, Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога) [Текст] / Т. В. Черниговская // Разумное поведение и язык / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 395–412.
17. Якобони, М. Отражаясь в людях. Почему мы понимаем друг друга [Текст] / М. Якобони. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 366 с.
18. Arbib M. A. *Interweaving Protosign and Protospeech: Further Developments beyond the Mirror, Interaction Studies: Social Behaviour and Communication in Biological and Artificial Systems. Interaction Studies*, 2005, No. 6(2), pp. 145–171.
19. Arbib M. A., Rizzolatti G. *Neural expectations: A Possible Evolutionary Path from Manual Skills to Language. Communication and Cognition*, 1997, pp. 393–424.
20. Chou W. S., Hamel L. M., Thai C. L., Debono D., Chapman R. A., Albrecht T. L., Penner L. A., Eggly S. *Discussing Prognosis and Treatment Goals with Patients with Advanced Cancer: A Qualitative Analysis of Oncologists' Language. Health Expect.*, 2017, Oct; 20(5), pp. 1073–1080.

21. Cox C. L., Fritz Z. *Should Non-Disclosures Be Considered as Morally Equivalent to Lies within the Doctor-Patient Relationship?* *Journal of Medical Ethics*, 2016, No. 42 (10), pp. 632–635.
22. Rizzolatti G., Craighero L. *The Mirror-Neuron System*. *Annual Review of Neuroscience*, 2004, No. 27, pp. 169–192.
23. Siegel D. J. *Mindsight: The new science of personal transformation*. New York: Bantam, 2010.
24. Tayler M., Ogden J. *Doctors' Use of Euphemisms and Their Impact on Patients' Beliefs about Health: an Experimental Study of Heart Failure // Patient Education and Counseling*, 2005, Vol. 57, pp. 321–326.

References

1. Zubkova O.S. *Meditsinskaya Metafora i Meditsinskaya Metafora-Termin v Individual'nom Leksikone (Eksperimental'noe Issledovanie)* [Medical Metaphor and Medical Metaphor-Term in an Individual Lexicon (an Experimental Study)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 1, 2010b, pp.140–145. (In Russian).
2. Zubkova O.S. *Meditsinskaya Metafora-Termin kak Mental'naya Reprezentatsiya* [Medical Metaphor-Term as Mental Representation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2010a, no 3, pp. 41–48. (In Russian).
3. Zubkova O.S. *Professional'naya Metafora v Meditsinskom Diskurse* [Professional Metaphor in the Medical Discourse]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2013, no 3, pp. 44–51. (In Russian).
4. Zubkova O.S., Ushkalova M.V. *Lingvosemioticheskaya Realizatsiya Kalambura v Publichnoy Rechi* [Linguosemiotical Implementation of a Pun in a Public Speech]. Kursk, 2017. (In Russian).
5. Katsev, A.M. *Yazykovoe Tabu i Evfemiya* [Language Taboo and Euphemism]: Manual for a special course. L.: A.I. Herzen LGPI, 1988. (In Russian).
6. Krysin L.P. *Inoyazychnoe Slovo v Roli Evfemizma* [Foreign Word as a Euphemism]. *Russian Language at School*, 1998, No 2, pp. 71–74. (In Russian).
7. Krysin, L.P. (2004). *Evfemizmy v Sovremennoy Russkoy Rechi* [Euphemisms in Modern Russian Language]. In.: *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. M.: LRC Publishing House, pp. 262–286. (In Russian).
8. Krysin L.P. *Evfemisticheskie Sposoby Vyrazheniya v Sovremennom Russkom Yazyke* [Euphemistic Ways of Expression in Modern Russian]. *Russian Language at School*, 1994, No 5, pp. 76–82. (In Russian).
9. Larin B.A. *Ob Evfemizмах* [On Euphemisms] In: *Istoriya Russkogo Yazyka i Obshchee Yazykoznanie*. M.: Prosveshcheniye, 1977, pp. 101–114. (In Russian).
10. *Model' Psihicheskogo kak Osnova Stanovleniya Ponimaniya Sebia i Drugogo v Ontogeneze Cheloveka* [The Theory of Mind as the Basis for the Development of the Understanding of Oneself and Another in the Ontogeny of Man]. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. (In Russian).
11. Moskvina V.P. *Evfemizmy: Sistemnye Svyazi, Funktsii i Sposoby Obrazovaniya* [Euphemisms: System Communications, Functions and Methods of Education]. *Voprosy Yazykoznanija*. M.: Nauka, 2001, no 3, pp. 58–70. (In Russian).

12. Porokhnitskaya L.V. *Kontseptual'nye Osnovaniya Evfemii v Yazyke: Dis. ... Dokt.. Filol. Nauk* [Conceptual Basis of Euphemism in the Language]. M., 2014. (In Russian).
13. Rizzolatti, G., Craighero, L. (2004). *The Mirror-Neuron System. Annual Review of Neuroscience*, no 27, 169–192.
14. Saakyan L.N. *Evfemiya kak Pragmalingvisticheskaya Kategoriya v Diskursivnoy Praktike Nepryamogo Rechevogo Ubezhdeniya: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Euphemism as a Pragmalinguistic Category in the Discursive Practice of Indirect Verbal Persuasion]. M., 2010. (In Russian).
15. Senichkina E.P. *Evfemizmy Russkogo Yazyka* [Euphemisms of the Russian Language]. M.: Vysshaya shkola, 2006. (In Russian).
16. Chernigovskaya, T.V. (2008). *Chto Delaet Nas Lyud'mi: Pochemu Nepremenno Rekursivnye Pravila? Vzglyad Biologa i Lingvista* [What Makes Us Human: Why By All Means Recursive Rules? View of a Biologist and Linguist]. In: *Razumnoe Povedenie i Yazyk. Iss. 1. Kommunikativnye Sistemy Zhivotnykh i Yazyk Cheloveka. Problema Proiskhozhdeniya Yazyka*. Ed. by A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. M.: LRC Publishing House, 289–306. Available at: <http://philology.ru/linguistics1/chernigovskaya-08.htm> (accessed 16 October 2020). (In Russian).
17. Iacoboni M. *Mirroring People: The New Science of How We Connect with Others*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2008. (Russ. ed.: Motylev L. Yu. Otrazhayas' v lyudyakh. Pochemu my ponimaem drug druga. Moscow, 2011. (In Russian).
18. Arbib M. A. *Interweaving Protosign and Protospeech: Further Developments beyond the Mirror, Interaction Studies: Social Behaviour and Communication in Biological and Artificial Systems. Interaction Studies*, 2005, no 6(2), pp. 145–171.
19. Arbib M. A., Rizzolatti G. *Neural expectations: A Possible Evolutionary Path from Manual Skills to Language. Communication and Cognition*, 1997, pp. 393–424.
20. Chou W. S., Hamel L. M., Thai C. L., Debono D., Chapman R. A., Albrecht T. L., Penner L. A., Eggly S. *Discussing Prognosis and Treatment Goals with Patients with Advanced Cancer: A Qualitative Analysis of Oncologists' Language. Health Expect.*, 2017, Oct; 20(5), pp. 1073–1080.
21. Cox C. L., Fritz Z. *Should Non-Disclosures Be Considered as Morally Equivalent to Lies within the Doctor-Patient Relationship? Journal of Medical Ethics*, 2016, no 42(10), pp. 632–635.
22. Rizzolatti G., Craighero L. *The Mirror-Neuron System. Annual Review of Neuroscience*, 2004, no 27, pp. 169–192.
23. Siegel D. J. *Mindsight: The New Science of Personal Transformation*. New York: Bantam, 2010.
24. Tayler M., Ogden J. *Doctors' Use of Euphemisms and Their Impact on Patients' Beliefs about Health: An Experimental Study of Heart Failure // Patient Education and Counseling*, 2005, Vol. 57, pp. 321–326.

SOME PSYCHO-LINGUISTIC BASES FOR THE CONDITIONS OF EUPHEMIA ORIGIN

Logvina S. A.

Summary. Considering the issues of generation and functioning of the phenomenon of euphemia in a complex conglomerate of psychological, social and linguistic aspects, the importance of the psycholinguistic (biological) aspect was reduced (not highlighted). The revolutionary discovery of mirror neuron systems has made it possible to shift the research perspective from the "euphemism-society" correlation to the "euphemism-biology" correlation and to define the new status of the euphemia phenomenon within the psychobiological objectives. The system of mirror neurons is a biological trigger, automatically initiating the intentional mechanism of the euphemism; it allows predicting the chain of subsequent actions through multi-path planning and choosing a successful language algorithm.

The author believes that the study of euphemia by means of mirror systems will give the possibility of understanding of the fluctuations of meanings and senses in the pre-semiotic "semantic vacuum", as well as the semiotic interpretation of euphemisms, through the syncretic combination of individual and collective, cognitive and unconscious, historically given and epistemologically predicted. From this angle, the euphemism does not appear as an element of social determination, but as a prognostic phenomenon, the result of "foresight", which makes social adaptation and integration possible under the conditions of rapidly changing society.

Keywords: euphemism, mirror neuron system, a map of consciousness, successful language algorithm.